

АЗБУКА
БЕСТСЕЛІЕР

Карен Томпсон
Уокер

ВЕК ЧУДЕС

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
У 62

Karen Thompson Walker
THE AGE OF MIRACLES
Copyright © 2012 by Karen Thompson Walker
All rights reserved

Перевод с английского Ксении Левиной
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-16695-0

© К. В. Левина, перевод, 2013
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

Моим родителям и Кейси

В эти последние минуты перед концом света кто-то закручивает крошечный, меньше ресницы, винтик, а кто-то тонкими руками расправляет цветы...

Джеймс Ричардсон. Другой конец света

Мы не заметили этого сразу. Да мы и не могли.

Сначала лишнее время, изменившее привычный срок наступления сумерек, просто не ощущалось, словно расцветающая под кожей опухоль.

Нас отвлекали войны и погода. Мы не обращали внимания на вращение Земли вокруг своей оси. На улицах далеких стран продолжали взрываться бомбы. Приходили и отступали ураганы. Заканчивалось лето. Начинался новый учебный год. Все шло как обычно. Секунды складывались в минуты. Минуты вырастали в часы. И у нас не было никаких оснований предполагать, что эти часы могут не превратиться в привычные, равновеликие и понятные каждому человеку дни.

Позже, правда, появились люди, утверждавшие, что почувствовали наступление катастрофы раньше всех. Так говорили рабочие ночных смен, поставщики продовольственных магазинов, корабельные грузчики, дальнобойщики и прочие полуночники, обремененные бессонницей, заботами и болезнями. Они привыкли встречать рассветы. Их покрасневшие глаза заметили непривычную настойчивость утреннего сумрака, но каждый списал эту странность на переутомление и расшатанные нервы.

Ученые объявили о случившемся шестого октября. Мы все помним тот день. Специалисты заявили, что действительно на Земле произошли изменения, а именно *замедление*. С тех пор мы так и называем этот процесс.

— Мы не знаем, станет ли эта тенденция устойчивой, — заявил скромный бородатый ученый на срочно организованной и ныне печально известной пресс-конференции. Он прокашлялся и перевел дыхание. Камеры светили ему прямо в глаза. А дальше наступил момент, который потом так часто показывали по телевизору, что голос ученого, его заикание, паузы и едва заметный акцент жителя Среднего Запада навек слились воедино с самой новостью. Он продолжил: — Но подозреваем, что станет.

Сутки стали длиннее на пятьдесят шесть ночных минут.

Поначалу люди собирались на улицах и кричали, что наступил конец света. Преподаватели в школе проводили с нами беседы. Я помню нашего соседа, мистера Валенсия, который доверху забил свой гараж консервами и бутылками с водой. Сейчас я понимаю, что он готовился к куда менее серьезной катастрофе.

Продуктовые магазины быстро опустели, товары исчезли с полок, словно корова языком слизнула.

Автострады встали. Люди слышали новости, и им хотелось бежать. Целые семьи набивались в микроавтобусы и пересекали границы. Автомобили сновали во все концы, как маленькие зверьки, застигнутые врасплох лучом света.

Но спрятаться на Земле, разумеется, было нигде.

Новость обрушилась на нас в субботу.

Честно говоря, в нашем доме изменений никто не заметил. Ранним утром все спали, поэтому на рассвете ничего особенного не почувствовали. Последние несколько часов до тех пор, когда мы осознали, что началось замедление, отложились в моей памяти, словно спрятанный под осколком стекла детский секретик.

Моя подруга Ханна в ту ночь осталась у нас. Мы с ней по традиции устроились в спальных мешках на полу в гостиной, как делали уже сто раз до того. Мы проснулись от стрекотания газонокосилок, собачьего лая и мягкого скрипа батута, на котором прыгали близнецы из соседнего дома. Через час нам предстояло надеть синюю футбольную форму, зачесать волосы назад, намазаться кремом от загара и обуть шипованные бутсы.

— Мне приснился ужасно странный сон, — сказала Ханна, лежа на животе.

Затем она оперлась на локоть и заложила за уши длинные, спутанные светлые волосы. Ханна отличалась особой, свойственной только худеньким девушкам красотой, о которой я могла лишь мечтать.

— Тебе всегда снятся странные сны, — ответила я.

Ханна расстегнула спальник и села, подтянув колени к груди. На ее тонком запястье висел браслет с брелочками, один из них был половиной маленького медного сердечка. Вторая половина хранилась у меня.

— Я как будто дома, но это не мой дом, — продолжила она. — Рядом мама, но тоже не моя. И сестры не мои.

— А я редко запоминаю сны, — заметила я и пошла выпускать кошек из гаража.

В то утро мои родители занимались тем же, чем всегда, — просматривали прессу за обеденным столом. Так и вижу их: мама в зеленом халате и с мокрой головой быстро перелистывает страницы, а полностью одетый папа молча и внимательно читает все статьи по порядку. Буквы отражаются в толстых стеклах его очков.

Позже папа решил сохранить газету за то число. Он спрятал ее как фамильную драгоценность, положив к номеру, который вышел в день моего рождения. На страницах того субботнего выпуска, предвосхищая грядущие события, рассказывали о росте цен на городскую недвижимость, размывании пляжей и планах строительства новых дорожных эстакад. Еще сообщалось, что на прошлой неделе на местного серфера напала большая белая акула, а пограничники нашли пятикилометровый подземный тоннель, прорытый контрабандистами из Штатов в Мексику. Кроме того, полиция обнаружила тело давно пропавшей девушки, погребенное под грудой белых камней в восточной пустыне. Время наступления рассвета и заката, которое так и не подтвердилось, было напечатано в таблице на последней странице.

За полчаса до того, как на нас обрушились новости, мама поехала за булочками.

Думаю, кошки почувствовали перемены раньше нас. Они обе были сиамями, но из разных пометов. Хлоя, ласковая пятнистая соня, и Тони, полная ее противоположность: старый сварливый дурень, который сам драл на себе шерсть. Ее клочки вечно летали по дому и застревали в ковре, как крошечные перекати-поле.

В те последние минуты я насыпала сухой корм в миски. Кошки вдруг наострили уши и повернулись в сторону двора. Возможно, они почуяли перемены. Они хорошо знали звук мотора маминого «вольво». Я так и не поняла, что именно их тогда насторожило — шорох колес стремительно подъехавшей к дому машины или истерический визг тормозов.

Через мгновение я и сама догадалась, что мама взволнована, услышав на крыльце ее торопливые шаги и нервное звяканье ключей: на обратном пути из булочной она узнала тогда свежую, а теперь печально известную новость.

— Немедленно включите телевизор! — крикнула она с порога, когда ворвалась в комнату, запыхавшаяся и вспотевшая. Забытые в замочной скважине ключи так весь день и проболтались в двери. — Происходит что-то кошмарное.

Мы давно привыкли к маминой манере излагать мысли. Она любила приукрашивать, сгущать краски, преувеличивать. Выражение «кошмарно» могло относиться к чему угодно. Иногда оно обозначало тысячи совершенно обыденных ситуаций: уличную жару или пробки, подтекающие трубы

или длинные очереди. Даже еле уловимый сигаретный дым порой становился «действительно и абсолютно кошмарным».

Поэтому мы не торопились реагировать. Папа в желтой застиранной футболке «Падрес» вообще не сдвинулся с места — так и остался сидеть за столом, в одной руке держа чашку кофе, а другой почесывая затылок. Он как раз заканчивал читать статью из деловой рубрики. Я подошла к маме и открыла шуршащий бумажный пакет с булочками. Даже Ханна настолько хорошо ее знала, что продолжала спокойно копаться на дальней полке холодильника в поисках сливочного сыра.

— Вы вообще знаете, что творится? — спросила мама.

Нет, мы не знали.

В молодости мама была актрисой. Она снималась в основном в рекламе шампуней и товаров для кухни, кассеты с ее роликами до сих пор пылились стопкой рядом с телевизором. Все говорили, что раньше мама отличалась удивительной красотой. Несмотря на то что с возрастом она прибавила в весе, я до сих пор восхищалась ее гладкой кожей и высокими скулами. Мама преподавала в средней школе — один час драматического искусства и четыре часа истории в неделю. Мы жили в ста пятидесяти километрах от Голливуда.

Мама встала на наши спальники в двух шагах от телевизора. Размышляя об этом сейчас, я сразу вспоминаю, как она прикрывала рот ладонью — она всегда так делала, когда волновалась. Но тогда меня взбесило, что она топчет черными подошвами кроссовок чудесный спальник Ханны, розовый и в горошек. Он специально был предназначен не

для невзгод туристического отдыха, а для мягких ковров в отапливаемых домах.

— Вы меня слышали? — спросила мама, нервно оглядываясь на нас.

Я засунула в рот огромный кусок булки со сливочным сыром. В передних зубах у меня застряло кунжутное семечко.

— Джоэл! — крикнула она отцу. — Я серьезно. Это чудовищно.

Только тогда папа поднял взгляд от газеты, хотя так и не оторвал палец от строки, которую читал. Разве могли мы знать, что пыл маминых слов в кои-то веки соответствовал космическому масштабу событий?

Мы жили в Калифорнии и, естественно, привыкли к колебаниям почвы. Мы знали о том, что ее поверхность может смещаться и подрагивать. У нас всегда лежали наготове фонарики с батарейками, а в туалете стояли галлоны с водой. Появление трещин на тротуарах казалось нормальным явлением. Бассейны иногда начинали плескаться и переливаться через край. Мы все умели прятаться под столами и уворачиваться от летящих осколков стекла. В начале каждого учебного года мы даже собирали большие герметичные мешки с продуктами длительного хранения на случай, если ядерный взрыв застанет нас в школе. Но в результате мы, калифорнийцы, оказались готовы к бедствию не лучше тех, кто строил себе дома на гораздо более спокойной земле.

Когда мы наконец осознали, что произошло тем утром, то сразу выбежали во двор, ожидая от неба каких-то подтверждений. Но оно казалось обычным — синим и безоблачным. Солнце светило по-прежнему. Со стороны моря дул знакомый ветер, и в воздухе пахло, как всегда, — скошенной травой и жимолостью. Эвкалипты покачивались на ветру, словно морские анемоны. Чай в маминном чайнике уже успел завариться. Вдалеке за за-

бором буднично гудела автострада. Высоковольтные провода продолжали жужжать. Если бы мы подбросили футбольный мяч в воздух, то вряд ли заметили бы, что он падает на землю чуть быстрее и ударяется о нее чуть сильнее, чем обычно. Одиннадцатилетняя девочка-подросток из пригорода, я стояла на улице рядом со своей лучшей подругой, и мне казалось, что мир совсем не изменился.

На кухне мама хлопала дверцами и выдвигала ящики, лихорадочно проверяя, есть ли в доме все необходимое.

— Я просто хочу знать, где лежат лекарства, — объяснила она. — Неизвестно, что может случиться.

— Пойду-ка я домой, — сказала Ханна, обхватив себя руками. Она все еще не сняла фиолетовую пижаму и не причесалась. Капризные волосы, которые она отращивала со второго класса, требовали особого ухода. У всех моих знакомых девочек-мормонов были длинные волосы. Доходившие до пояса волосы Ханны закручивались на концах, как язычки пламени. — Моя мама тоже, наверное, сходит с ума, — добавила она.

Дома Ханну ждали многочисленные сестры, а я была единственным ребенком в семье. Когда Ханна уходила, я всегда расстраивалась. Слишком тихо становилось у нас без нее.

Я помогла ей скатать спальник. Она собрала рюкзак.

Если бы я знала, как не скоро состоится наша следующая встреча, то нашла бы особые слова, чтобы попрощаться. А так мы просто помахали друг другу, и папа отвез ее домой, на соседнюю улицу.

По телевизору не показывали ничего особенного — никаких горящих городов, разрушенных мостов, покореженного металла, выжженной земли или изуродованных домов. Не было ни раненых, ни убитых. Поначалу катастрофа казалась совершенно невидимой.

Наверное, поэтому я ощущала тогда не страх, а возбуждение из-за нарушения привычного течения жизни, из-за предчувствия чего-то нового.

А вот мама пришла в ужас.

— Как же так? — повторяла она, то закалывая, то распуская свои красивые, выкрашенные в каштановый цвет волосы.

— Может, метеорит? — предположила я. Мы изучали Вселенную на уроках естествознания, я уже помнила порядок планет Солнечной системы и знала названия всех парящих в космосе небесных тел, а также имела представление о кометах, черных дырах и осколках гигантских камней. — Или ядерная бомба?

— Это не ядерная бомба, — сказал папа, глядя на экран телевизора. Я видела, как двигались желваки на его лице. Он стоял, широко расставив ноги и скрестив руки на груди. Садиться он не собирался.

«Человек способен адаптироваться к новым условиям — в известных пределах, конечно, — говорил по телевизору ученый. На его воротнике чернел крохотный микрофон. Ведущий наседавал на него, добываясь информации о худшем варианте развития событий. — И если скорость вращения Земли продолжит снижаться — подчеркиваю, пока это просто предположение, — то могу сказать, что нас ждут серьезные климатические изменения и, как следствие, землетрясения, цунами, массо-

вое вымирание растений и животных. Возможно, океаны сместятся к полюсам...»

У нас за спиной стучали на ветру вертикальные жалюзи, вдали рычал вертолет, шум его лопастей врывался в дом сквозь занавешенные окна.

— Почему же это произошло? — спросила мама.

— Хелен, — сказал отец, — я знаю не больше тебя.

Про футбольный матч мы, конечно же, забыли. Моя форма весь день провисела на вешалке, а наколенники так и остались валяться в чулане.

Потом я узнала, что в тот день на игру пришла только Микаэла, и, как всегда, опоздала. В одних носках, с распущенными волосами и бутсами через плечо, она мчалась с холма к полю, выплевывая попадавшие ей в рот кудряшки, но так и не встретила ни одной разминающейся девочки. Ветер не надувал синие майки, не трепал косички. Не увидела она ни родителей, ни тренеров: матери в солнцезащитных козырьках не потягивали холодный чай, отцы в шлепанцах не прогуливались вдоль линии поля. Не было ни ящичков со льдом, ни шезлонгов, ни нарезанных дольками апельсинов. Потом Микаэла, наверное, заметила, что на верхней стоянке для машин пусто. Только сетки бесшумно колыхались в воротах — единственное подтверждение того, что когда-то здесь играли в футбол.

— Ты же знаешь мою маму, — сказала она мне много дней спустя за ланчем, нарочито ссутулившись и привалившись к стене в подражание сексапильным семиклассницам. — Когда я вернулась на нижнюю парковку, ее и след простыл.

Мама Микаэлы была самой молодой родительницей в нашем классе. Остальным, даже самым эффективным мамашам уже перевалило за тридцать пять, моя вообще отметила сорокалетие, а микаэловской маме только-только исполнилось двадцать восемь. Сама Микаэла это отрицала, но мы-то понимали, что это правда. Ухажеры так и вились вокруг нее. Гладкая кожа, упругое тело, высокий бюст и узкие бедра вызывали у нас смутное и беззотчетное ощущение досады. Микаэла единственная из моих знакомых жила не в доме, а в частной квартире, да еще и без отца.

Юная микаэловская мамаша новости проспала.

Спустя несколько дней я спросила Микаэлу:

— Ты что, ничего не видела по телевизору?

— У нас нет кабельного, забыла? Да и вообще, я телик редко включаю.

— А радио в машине?

— Не работает.

Микаэла и в обычное время обожала прогулки и поездки. В первый день замедления, пока все смотрели новости по домам, она торчала на футбольном поле и возилась с древним, неисправным и забытым даже своим создателем телефонным автоматом до тех пор, пока не приехал тренер с официальным объявлением об отмене матча. Он-то и подбросил Микаэлу до дома. В нашем классе она единственная до сих пор обходилась без мобильного.

К полудню информационные каналы иссякли. Они обсасывали каждый свежий факт, вновь и вновь пережевывали самые мелкие новостные крошки. Но для нас это не имело значения: мы слушали как замороженные.

Я весь день просидела на ковре перед телевизором в компании родителей. До сих пор помню, каково нам было в те часы. Потребность в новой информации ощущалась просто физически.

Мама то и дело проверяла цвет и чистоту воды в кранах по всему дому.

— Милая, с водой ничего не случится, — говорил папа. — Это же не землетрясение.

Он держал очки в руках и протирал стекла краем футболки, словно выход из затруднительной ситуации зависел от четкости его зрения. Мне всегда казалось, что без очков папины глаза становятся маленькими и начинают косить.

— Ты ведешь себя так, будто это ерунда какая-то, — сказала мама.

В то время разногласия между родителями были совсем незначительными.

Папа посмотрел сквозь стекла на свет и аккуратно водрузил очки на нос.

— Скажи, что я должен сделать, и я это сделаю.

Отец работал врачом. Он верил в возможность решения проблем, верил в диагнозы и успешное лечение. Тревога, по его мнению, являлась лишь ненужной тратой времени и сил.

— Народ в панике, — продолжала мама. — А что, если люди, отвечающие за водоснабжение, электроэнергию и поставку продовольствия, разбегутся?

— Нам останется только пережить это, — ответил папа.

— Отличный план, — парировала мама. — Просто шикарный!

Она быстро прошла на кухню, шлепая по кафелю босыми ногами. Я услышала, как щелкну-

ла дверца барного шкафчика и зазвенел лед в стакане.

— Уверена, все будет хорошо, — сказала я, ощущая потребность произнести хоть что-нибудь жизнеутверждающее. Внезапно я так охрипла, что слова получились похожими на кашель. — Все как-нибудь наладится.

Сумасшедшие вперемешку с гениями заполнили все телепередачи. Они размахивали научными статьями, которые отказались публиковать серьезные издания. Эти одинокие волки утверждали, что предвидели катастрофу раньше всех.

Мама вернулась на диван со стаканом в руках.

В нижней части экрана пылали красные буквы: «Это конец?»

— Да перестань, — сказал отец. — Они просто раздувают сенсацию. Интересно, что говорят по государственным каналам?

Вопрос повис в воздухе. Никто не щелкнул пультом. Отец взглянул на меня и сказал маме:

— Думаю, ей не стоит это смотреть. Джулия, не хочешь попинать мяч?

— Нет, спасибо, — ответила я, боясь пропустить какую-нибудь новость.

Я натянула толстовку на колени. Тони, вытянув лапы и хрипло дыша, спал рядом на коврик. Он казался очень худым оттого, что позвонки бугорками выпирали у него на спине. Хлоя спряталась под диваном.

— Ну все, хватит, пойдем поиграем, — сказал папа, доставая из чулана мой мяч и пробуя его на упругость. — Кажется, немного сдулся...

Папа обращался с насосом так нежно, словно держал в руках один из своих медицинских инструментов. Он втыкал иголку в отверстие с точ-

ностью и аккуратностью хирурга, а затем начинал обстоятельно накачивать мяч, запуская в него воздух порциями, как это делает аппарат искусственного дыхания.

Я неохотно зашнуровала кроссовки, и мы пошли на улицу.

Мы перебрасывали друг другу мяч в полной тишине, по-прежнему отлично слыша болтовню телеведущих. Их голоса накладывались на глухие удары ног по мячу.

Соседские дворы вымерли. Качели застыли в неподвижности, будто внезапно сломались. Перестал поскрипывать батут близнецов. Мне хотелось вернуться в дом.

— Хороший удар, — сказал папа. — Точный.

Вообще-то, он мало понимал в футболе, даже бил не той стороной стопы. Следующий удар я не рассчитала, и мяч полетел в кусты жимолости в дальнем углу двора. Игра закончилась.

— Ты в порядке? — спросил папа.

По небу начали кружить большие птицы, не городские, а хищные: ястребы, орлы и вороны. Их тяжелые крылья напоминали о диких лесах, еще сохранившихся на востоке региона. Птицы перелетали с дерева на дерево, их клекот заглушал щебет наших дворовых пичуг. Я знала, что животные чувствуют приближение опасности лучше и прячутся от нее намного раньше людей. За несколько минут, а то и часов до начала цунами или извержения вулкана слоны рвут цепи и убегают, а змеи, спасая свою жизнь, проползают многокилометровые расстояния.

— Как думаешь, птицы уже знают? — спросила я, задрав голову и чувствуя, как напряглись мышцы шеи.

Папа тоже посмотрел вверх, но ничего не ответил. Ястреб спикировал на крону нашей сосны, окинул взглядом все вокруг, затем поднялся в воздух и улетел в сторону западного побережья.

— Теперь они заявляют, что это скажется на земном притяжении! — крикнула мама через застекленную дверь.

— Мы будем через минуту, — ответил папа. Он сильно сжал пальцами мое плечо, а потом поднял глаза к небу, будто фермер, высматривающий признаки скорого дождя. — Помни о том, что люди — самые разумные существа, ладно? Подумай о том, сколько всего они изобрели: космические ракеты, компьютеры, искусственное сердце. Мы всегда решаем проблемы, любого масштаба. Всегда.

Мы поднялись к застекленной двери, прошли по кафельному полу прихожей и присоединились к маме, причем папа настоял, чтобы мы вытерли ноги о коврик перед входом, словно соблюдение этого ритуала гарантировало нам безопасность. Но, несмотря на его слова, несмотря на наше спокойное поведение и внешнюю устойчивость окружающего мира, у меня было отчетливое ощущение, что все вокруг начинает рушиться.

В последующие часы нам оставалось лишь ждать и волноваться. Мы терялись в догадках, строили предположения, фантазировали. Толпы ученых и чиновников из телевизора и Интернета заполнили нашу гостиную. Они предлагали новые идеи и пути выхода из кризиса. Мы, как никогда, внимательно изучали траекторию движения Солнца по небу. Мама пила виски со льдом. Папа слонялся по дому. Я не находила себе места. В ту

субботу время шло иначе. Утро уже казалось далеким, как вчерашние сутки. Когда наступил закат и солнце ушло за западные холмы, у меня создалось впечатление, что в тот день, явно удлинившийся не на один час, вместились целая неделя.

Ближе к вечеру папа поднялся по лестнице в спальню и спустился уже переодетым, в рубашке, темных носках и с выходными ботинками в руках.

- Ты куда-то собираешься? — спросила мама.
- Мне к шести, ты забыла?

Отец помогал детям появиться на свет и специализировался на сложных родах. Его вызывали в срочных случаях. Иногда он работал ночью и часто дежурил в больнице по выходным.

— Не ходи, — сказала мама. — Только не сегодня.

Помню, во мне вспыхнула надежда, что ей удастся убедить отца остаться, но он продолжал завязывать шнурки. Ему нравилось, когда петельки получались одинакового размера.

— Все поймут, если тебя не будет. Сейчас жуткие пробки, всюду хаос и паника.

Некоторые папины пациентки проводили в больнице по несколько месяцев, давая своим будущим детям возможность набраться сил для выживания в этом мире.

— Хелен, перестань. Ты знаешь, что я должен идти, — сказал папа.

Он уже собрался и стоял перед нами, похлопывая себя по нагрудному карману. Я услышала приглушенное звяканье ключей.

— Ты нам нужен! Мне не хотим, чтобы ты уходил. Правда, Джулия? — Мама прильнула к па-

пиной груди. Он был сантиметров на тридцать выше ее ростом.

Конечно, я тоже хотела, чтобы он остался, но степень моей дипломатичности определялась возрастом.

— Мне бы не хотелось, чтобы папа уходил, — ответила я вкрадчиво. — Но если ему так надо...

Мама отвернулась от меня и продолжила более мягким тоном:

— Умоляю тебя. Ведь непонятно, что творится.

— Да брось ты... — И он погладил ее по волосам. — Не драматизируй. До завтрашнего утра ничего не случится. Готов спорить, все наладится.

— Это каким же образом?

Отец поцеловал маму в щеку и помахал мне из прихожей. Затем вышел и закрыл за собой дверь. Вскоре мы услышали, как отъезжает его машина.

Мама упала на диван рядом со мной:

— Ну хоть ты меня не бросила. Теперь мы должны заботиться друг о друге.

Мне очень хотелось сбежать в гости к Ханне, но я понимала, что расстрою маму.

С улицы донеслись детские голоса. Сквозь жалюзи я разглядела семейство Каплан, неторопливо шествующее по тротуару. По субботам они из-за Шаббата не пользовались автомобилем. Они прогуливались вшестером: мистер и миссис Каплан, Якоб, Бет, Аарон и малыш в коляске. Младшие Капланы посещали еврейскую школу в северной части города. Одевались они всегда в черное. Своими развевающимися длинными юбками и строгими брюками они напоминали мне персонажей старых фильмов. С Бет, моей ровесницей, я не поддерживала никаких отношений. Она дер-

жалась особняком. Сейчас Бет шла в рубашке с длинным рукавом, в прямой черной юбке до земли и в стильных ботиночках из красной лакированной кожи. Самовыражаться она могла только при помощи обуви. Пока они степенно плыли мимо дома и самый младший Каплан срывал с нашей лужайки одуванчики, я вдруг подумала, что им, наверное, еще ничего не известно о замедлении.

Спустя какое-то время я узнала от Якоба, что не ошиблась: Капланы пребывали в неведении вплоть до заката. Шаббат закончился, Господь позволил им включить свет и телевизор. И только тогда они поняли, что мир уже никогда не станет таким, каким они его знали с рождения. Человек, не слышавший новостей, не замечал ничего особенного. Конечно, потом положение изменилось, но в тот, самый первый день Земля казалась совершенно обычной.

Мы жили в конце квартала, построенного в семидесятые годы и поделенного на квадратные километры участков. На каждом из них стоял оштукатуренный дом с асбестовыми потолками и стенами. Кривые оливы, когда-то росшие на всех лужайках, выкорчевали и заменили более модными и жадными до влаги деревьями. Дворы содержались в чистоте, но до фанатизма в этом деле никто не доходил. В редкой траве росли маргаритки и одуванчики. Почти каждый дом увивали розовые, дрожащие на ветру гроздья бугенвиллей.

Судя по старой спутниковой карте, на которой каждый угол обозначался лампочкой, здания нашего квартала были выстроены ровными параллельными рядами, словно десять висящих на ве-

ревке термометров. Наш дом, затерянный в переплетении скромных улочек, находился в дешевой части побережья калифорнийского холма, более престижная сторона которого спускалась к океану.

Зато на рассвете наши дома заливало светом. Кухонные окна смотрели на восток. Пока закипали кофейники и лилась вода в душевых, пока я чистила зубы или выбирала наряд для школы, утренние лучи били прямо в стекла. Во второй половине дня нас накрывала прохладная тень: каждый вечер солнце пряталось за крыши дорогих домов и целый час плавно опускалось в океан. В тот день мы ждали закат с тревогой.

— Кажется, сдвинулось чуть-чуть, — сказала я, щурясь. — Точно, идет вниз.

По всей улице открывались двери гаражей. Показались легковушки и внедорожники, потрепанные от частой перевозки вещей, детей и собак. Многие соседи вышли во двор и теперь стояли, скрестив руки. Все глядели на небо, будто ждали начала салюта.

— Не смотри прямо на солнце, — сказала мама, которая сидела на крыльце рядом со мной. — Глаза испортишь.

Она вскрыла упаковку пальчиковых батареек, найденных в ящике комода. На цементном полу лежали три фонарика — наш мини-арсенал для борьбы с темнотой. Хотя солнце стояло еще высоко, маму обуревал страх перед необычно долгой ночью.

Далеко в конце улицы я заметила свою подругу детства Гэбби, которая в одиночестве устроилась на крыше. Мы стали редко видеться с тех пор, как родители перевели ее в частную школу в со-

седнем городке. Как и обычно, она была одета во все черное. Ее крашенные волосы темнели на фоне неба.

— И зачем она так покрасилась? — удивилась мама.

— Понятия не имею, — ответила я. Гэбби сидела довольно далеко, но я все-таки разглядела в каждом ее ухе по три сережки. — Наверное, просто захотелось.

Рядом гудел радиоприемник. Медленно тянулись минуты. По радио обсуждали «проблему урожая». Я так и не поняла, родился ли этот термин в тот день или уже имел свою давнюю забытую историю и упоминался в соответствующих разделах учебников. Новый вопрос, требующий нового ответа, звучал так: долго ли просуществуют сельскохозяйственные культуры без света?

Мама один за другим проверила фонарики, направляя их луч себе на ладонь. Она заменила старые батарейки на новые, словно перезарядила ружья.

— Не понимаю, почему твой отец до сих пор не позвонил.

Мама вынесла на крыльцо беспроводной телефон, но он безмолвствовал. Потом сделала несколько маленьких бесшумных глотков из стакана. Помню, как в нем позвякивал лед, а вода капала с краев, оставляя на цементном полу странные узоры.

Конечно, панике поддались не все. Моя учительница музыки Сильвия, жившая через дорогу, продолжала работать в саду как ни в чем не бывало. Сперва она ползала по земле на четвереньках,

и в руках у нее сверкали садовые ножницы. Затем она отправилась на прогулку по кварталу. Саббо постукивали по тротуару, рыжие пряди выбились из наскоро заплетенной косы.

— Привет, Джулия, — сказала она, дойдя до нашего двора, и улыбнулась маме, но так и не назвала ее по имени. Они были ровесницами, но Сильвия почему-то выглядела моложе.

— Кажется, ты не особенно переживаешь, — заметила мама.

— *Que sera sera*, — вздохнула Сильвия. — Я всегда так говорю. Будь что будет.

Я любила Сильвию, хотя знала, что маме она не нравится. Она казалась мне красивой и прикольной, и от нее вкусно пахло. Ее тонкие, длинные, словно ветви эвкалипта, руки и ноги постоянно были украшены массивными браслетами с бирюзой. Но перед уроком игры на фортепиано она всегда снимала их, чтобы лучше чувствовать единение с клавишами. Она даже разувалась перед тем, как сесть за инструмент.

— Хотя, возможно, у меня просто помутнение рассудка, — добавила Сильвия. — Я сейчас в середине очищения.

— Какого очищения? — заинтересовалась я.

— Поста, — ответила она и наклонилась ко мне, чтобы объяснить. Я заметила, как мама отодвигает фонарики подальше за спину. Кажется, ей стало стыдно за свой страх. — Никакой еды и алкоголя, только вода. В течение трех дней. Уверена, что твоя мама тоже так делает.

Мама покачала головой:

— Нет, я таким не занимаюсь.

Уокер К. Т.

У 62 Век чудес : роман / Карен Томпсон Уокер ; пер. с англ. К. Левиной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 320 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-16695-0

Все началось в субботу, обычную калифорнийскую субботу, когда Джулия, проснувшись, узнала, что с Землей происходит что-то непонятное. Длиннее становятся дни и ночи. Меняется сила тяжести. Странно ведут себя птицы. Приливы сошли с ума... Мир меняется стремительно и необратимо.

Что делать девушке, если прошлое делается большим, а будущее все сжимается и сжимается, чтобы вскоре превратиться в ничто... если сутки вырастают в недели и непонятно, какие из них опаснее — недели света или недели тьмы... если рушится личный мир, растет пропасть между людьми, вчера еще тебе близкими, а чувство одиночества набирает силу?

Смириться или наперекор всему считать, что ничто в мире не окончательно?

**УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44**

Литературно-художественное издание

КАРЕН ТОМПСОН УОКЕР

ВЕК ЧУДЕС

Редактор Александр Етоев
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Валентина Гончар, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 26.06.2019. Формат издания 84 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 15,6. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-ABA-25164-01-R